

*Зинхара Исмаиловна Аджиева, Рустам Маратович Бегаулов,
Рашид Тохтарович Хатуев*

Особенности становления национальной бюрократии в Карачае в имперский и советский периоды (1830–1930-е гг.)

Аннотация

В данной статье рассматриваются вопросы становления национальной бюрократии в одном из регионов Северного Кавказа – Карачае в имперский период и первые десятилетия советской власти. Авторы подробно останавливаются на причинах и истоках появления у горского населения представлений о высокой престижности государственной службы. Анализируют причины и последствия смены управленческих генераций в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: Карачай, национальная бюрократия, государственная служба, образование, Советы, управленческие генерации.

1. Введение

Вхождение народов Северного Кавказа в состав России привело к значительным трансформациям во всех сферах их жизнедеятельности. В том числе привело к необходимости интеграции в отличную от прежней, традиционной систему политических, управленческих отношений сначала империи, а затем и советской России. По сути, начался процесс становления национальной бюрократии нового образца, который в основных своих чертах завершился именно в советский период.

В нашем исследовании мы исходим из того, что социальная история, как пишет Х. Риттер, это «форма исторического исследования, в центре внимания которой находятся социальные группы, их взаимоотношения, их роли в экономических

и культурных структурах и процессах»¹. Из таких социальных групп наш научный интерес, как отмечалось, сосредоточен на бюрократии. Здесь можно напомнить, что термин «бюрократия» был введен в научный оборот французским мыслителем Винсентом де Гурнэ, а в современном смысле («правление профессиональных чиновников»; класс профессиональных чиновников) стал употребляться позднее, со второй половины XIX в.²

Процесс формирования региональной бюрократии или, по другому, категории профессиональных управленцев, правящего класса (здесь и далее все эти термины нами используются в идентичном смысле), как и любого другого социального слоя, исторически занимает определенный временной промежуток. Иначе говоря, он имеет определенные хронологические рамки, включающие этапы зарождения, становления и развития.

Для нас условной точкой отсчета является 1828 г. Осенью этого года Карачай был формально присоединен к Российской империи самим фактом подписания депутацией местной знати прошения о принятии в подданство³. Но еще несколько лет никаких структур и механизмов управления этим горным краем со стороны военно-колониальной администрации не существовало. Войска были выведены, а горцы по-прежнему управлялись своим олием (уали, верховным правителем) из рода князей Крымшамхаловых⁴.

2. Истоки российской администрации

Начало функционирования русской администрации в Карачае относится к 1834 г., когда сюда был назначен первый царский пристав⁵. В 1865 г. система приставств была упразднена, карачаевские селения и несколько абазинских, ногайских и черкесских аулов были объединены в Эльборусский округ с «военно-народным управлением». В 1871 г. окружная система также была упразднена, и были учреждены участки в составе Баталпашинского уезда (с 1888 г. – отдела).

¹ Цит. по: Калинин С.Б. Научно-методическая проблематика в исторических исследованиях: вопросы методологии // Научная мысль Кавказа. Приложение № 4(88). – 2006. – С. 7.

² Павлов А. Феномен бюрократии в концепциях западных политологов // Вопросы экономики. – 1992. – № 1. С. 136.

³ Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917): сб. документов / составители В.П. Невская, И.М. Шаманов, С.П. Несмачная. – Ростов-на-Дону, 1985. С. 40–41.

⁴ Хатуев Р.Т. Карачай и Балкария до второй половины XIX века: власть и общество // Карачаевцы и балкарцы (этнография, история, археология) / отв. ред. С.А. Арутюнов. – М., 1999. – С. 29–30.

⁵ Социально-экономическое, политическое и культурное... С. 48; Народы Карачаево-Черкесии: история и культура / отв. ред. В.Ш. Нахушев. – Черкесск, 1998. – С. 258.

Территория бывшего Эльборусского округа вошла в состав Хумаринского участка, а абазинские, ногайские и черкесские аулы бывшего Зеленчукского округа составили Бибердовский участок. С этого времени вплоть до революции горцами управляли участковые начальники⁶.

С вхождением в состав Российской империи правящий класс горцев довольно быстро усвоил важнейшую традиционную черту российской политической культуры. Речь идет о том, что в России, говоря словами специалиста по элитологии О. Крыштановской, «не богатство приводило к власти, а власть вела к богатству». Еще точнее – именно «обладание властью давало все остальное – богатство, связи, влияние»⁷.

Основные цели деятельности дореволюционной элиты горцев были, прежде всего, обусловлены состоянием дел в системе жизнеобеспечения, острой проблемой которого в нагорной части региона Верхней Кубани (современная Карачаево-Черкесия) выступало хроническое малоземелье⁸. По утверждению А.Н. Дьячкова-Тарасова, к тому времени число безземельных семей вчетверо превышало количество землевладельческих⁹, а у некоторых не имелось земли даже под постройку жилища (таких семей, например, в селении Учкулан было около 50, в Карт-Джурте – около 50)¹⁰. Площадь Карачая в начале XX в. составляла лишь 324 125 дес., из которых 25% были полностью непригодны для хозяйственной деятельности. Еще 28% составляли леса, также непригодные для животноводства¹¹. В то же время на 5 932 дворов (семей) или 34 975 чел. (1907 г.) карачаевского населения¹² приходилось 723 тыс. голов скота¹³, т.е. около 122 голов на семью.

⁶ Алиев У.Д. Карачай (Карачаевская автономная область): Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. – Черкесск, 1991. С. 163.

⁷ Крыштановская О. В России сколачивается властная пирамида советского типа // Независимая газета (далее НГ). 31 августа 2004.

⁸ Оно явилось одной из главных причин переселения (мухаджирства) карачаевцев в Османскую империю. Подробнее см.: Кипкеева З.Б. Основные причины мухаджирства 1884–1887 годов в Карачае // Вопросы северокавказской истории / под ред. В.Б. Виноградова. – Армавир, 2001. – Вып. 1. Часть 1. С. 75–80.

⁹ Дьячков-Тарасов А.Н. Заметки о Карачае и карачаевцах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Далее СМОМПК). – Тифлис, 1898. – Вып. 25. – С. 107.

¹⁰ Дьячков-Тарасов А.Н. В горах Большого и Малого Карачая // СМОМПК. – Тифлис, 1900. – Вып. 28. – С. 107.

¹¹ Тамбиев И.Х.-Б. О Карачае и Балкарии: сб. очерков, статей, заметок / сост. И.М. Шаманов, Ф.И. Шаманова. – Ставрополь, 2003. С. 56.

¹² Иваненков Н.С. Карачаевцы. (Доклад, прочитанный на общем собрании членов Общества любителей изучения Кубанской области 28 ноября 1908 г.) // Известия общества любителей истории Кубанской области (Далее ИОЛИКО. – Екатеринодар, 1912. – Вып. V. С. 31.

¹³ Тамбиев И.Х.-Б. О Карачае и Балкарии... С. 54.

Земельная нужда заставляла основную часть работоспособного населения проводить время вдали от семейного очага (от 75 до 150 км). В селениях, зачастую, оставались в основном старики, женщины и дети¹⁴. Дефицит земли напрямую затрагивал экономические интересы элиты, к которой принадлежали все скотопромышленники и коннозаводчики. Поскольку за пределами своих аулов их можно было лишь арендовать (войсковые казачьи и казенные земли не продавались), то они стремились обрести надел через систему «пожалований». Это, в свою очередь, требовало близости к царской администрации, а еще вернее – вхождения в региональную правящую элиту.

Так, согласно «высочайшему повелению» от 16 февраля 1871 г., были наделены земельными участками, общей площадью в 4279 десятин «17 лиц из карачаевских таубиев (князей – авт.), кадиев окружного словесного суда и старшин аулов: из них 7 лиц фамилии Крымшамхаловых, 2 Карабашевых и по 1 лицу из фамилий Бостановых, Дуловых, Байрамуковых и др.»¹⁵. В основном это были те же самые фамилии, которые составляли местную элиту и в дореформенное время¹⁶.

3. Формирование бюрократической элиты Карачая

Вхождение в провинциальную элиту изначально происходило, прежде всего, через должности аульных старшин, депутатов словесных судов и т.п., которые отмечались жалованными угодьями, внешними атрибутами принадлежности к власти – чинами и наградами от военно-колониальной администрации. Исключительно престижной у горцев считалась стезя профессионального военнослужащего. Уже в 1850-е гг. офицерские чины, в основном иррегулярных войск (горской милиции), присваивались князьям Крымшамхаловым (Абдурзак, Бадра, Каншаубий, Магомет), Дудовым (Магомет и Шмауха), Таусолтану Карамурзину, узденям Керти Салпагарову, Эльмырзе Узденову, Али Джараштыеву¹⁷. В целом, многие представители западнокавказской (абазинской, карачаевской, ногайской, черкесской) интеллигенции вышли из военной среды¹⁸. Царская ад-

¹⁴ Карачаевцы: Историко-этнографический очерк / отв. ред. Л.И. Лавров. – Черкесск, 1978. С. 109.

¹⁵ Тамбиев И.Х.-Б. О Карачае и Балкарии... С. 126.

¹⁶ Невская В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (Дореформенный период). – Черкесск, 1960. С. 28–30.

¹⁷ Батчаев Ш.М. Карачаевцы в войнах России (вторая половина XIX – начало XX вв.). – М., 2005. С. 20–25.

¹⁸ Зубкова Н.Ю. Национальные формирования горцев первой половины XIX в. в контексте российско-северокавказской интеграции // Вопросы южнороссийской истории: сб. статей / под ред. В.Б. Виноградова. – М., 2007. – Вып. 13. С. 126–127; О первом абазине – полковнике русской

министрация на Кавказе, кстати, очень хорошо осознавала «служебный потенциал» горцев.

Добавим, что в годы гражданской войны на «милитаризованности» горского сознания, популярности военной службы и ее атрибутов в среде горцев играло и белогвардейское командование. Не случайно при посещении Карачая атаманом Баталпашинского отдела генералом Филимоновым (сентябрь 1919 г.) воинскими званиями по линии иррегулярной службы (горской милиции) были отмечены многие горцы. В числе влиятельных жителей селений Тебердинского ущелья это были Исмаил-эфенди Акбаев (прапорщик милиции), Ибрагим Акбаев (прапорщик милиции), князь Султан-Мурат Карабашев (юнкер милиции), Мудалиф Урусов (прапорщик милиции)¹⁹. Кроме того, известно, что отдельский атаман присвоил офицерские чины и авторитетным жителям других селений – Абулкериму Хасанову, Муссе Абаеву, Исхаку Абайханову, Мурату Аджиеву, Мырзакулу Блимготову, Казий-хаджи и Гилястану Лайпановым, Джамболату Узденову, Рамазану Чотчаеву, Азрету Эркенову²⁰.

Конечно, карьера военнослужащего или служащего местной администрации привлекала не всех. С одной стороны, профессиональную военную службу избирали в основном аристократы, но с другой – и местных административных должностей, к которым допускали аборигенов, было сравнительно немного. Кроме того, для горцев существовал установленный колониальной администрацией «потолок» служебной карьеры по административной линии. Например, за 1834–1917 гг., то есть за все время пребывания Карачая в составе империи, в числе местных приставов и участковых начальников (глав местных администраций) не было ни одного карачаевца.

Поэтому вхождения в региональные элиты горцы чаще всего старались добиться через получение образования. Это было связано с тем, что в ту пору практически вся провинциальная интеллигенция (учителя, медики, инженера и т.п.) находилась на государственной службе. Особенность русской интеллигенции в том и состоит, что она являет собой, по выражению А. Севастьянова,

---

армии см.: Ктиторова О.В. Вместе с Россией // Вопросы южнороссийской истории: сб. статей / под ред. В.Б. Виноградова. – М., 2007. – Вып. 13. С.84–93; Об офицере-просветителе М.К. Абаеве, служившем в качестве пристава в регионе Верхней Кубани в конце XIX – начале XX в. см.: Азаматов К.Г., Хутуев Х.И. Мисост Абаев: Общественно-политические взгляды. – Нальчик, 1980.

¹⁹ Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской республики (ЦДОДП КЧР). Ф. П-45. Оп. 1. Д.16. Л. 47.

²⁰ Архив Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований (Архив КЧИГИ). Ф. 9. Оп. 9. Д. 25. Л. 100–101. (Мемуары Аубекира Аджиева). Еще до визита атамана в документе от 29 декабря 1918 г. член Кубанской Рады Абулкерим Хасанов именуется как прапорщик, то есть обладатель тогдашнего первого офицерского чина в российской армии. (Государственный архив Карачаево-Черкесской республики (ГА КЧР). Ф. Р-40. Д. 1. Л.21-36).

«дтия правительства, а не длительного исторического процесса, как в Европе». В последней были вольные университеты – рассадники независимого знания, а в России все высшие и специальные учебные заведения изначально являлись государственными. (К тому же, в Европе первые университеты возникли в XII в., а в нашей стране – в XVIII в.). Мотив монархического режима в данном направлении с самого начала был связан с сугубо практической задачей: обеспечить «потребное количество» представителей умственного труда – инженеров, офицеров, врачей, священнослужителей, послушных абсолютизму»²¹.

Это и обуславливало то, что у горской элиты за сравнительно короткий срок укрепилось осознание престижности, если можно так сказать, карьерного потенциала интеллектуального труда, в связи с чем особого упоминания заслуживает дореволюционная интеллигенция (как прослойка профессиональных работников умственного и творческого труда). Основная часть носителей таких профессий как учителя, медики, инженера и других, в социальном плане ныне отнесенных к числу интеллигенции и отчасти служащих, в царское время являлась разновидностью чиновной службы. Преподавательский состав вузов, обладатели ученых званий и ученых степеней, должностные лица культурных учреждений (например, театров, академии художеств и др.), представляли собой разновидность самых привилегированных работников государственной службы, получали классные чины по имперскому «Табелю о рангах» – вплоть до приравненных к генеральским званиям.

Имеющиеся материалы позволяют утверждать, что первыми среди карачаевцев начальное русско-европейское образование получили заложники (аманаты) из родовитых фамилий, выданные по итогам переговоров о присоединении Карачая к России осенью 1828 г. Самые первые из них содержались достаточно долго: в 1841 г. в «казенном доме» Боргустанской крепости фиксируются аманаты – князя Ахмат Крымшамхалов (1818 г.р.) и Хасанбий Дудов (1812 г.р.), уздени Умар Узденов (1805 г.р.) и Умар Байрамуков (1810 г.р.), которые были взяты еще в 1828 г.²² Аманаты, судя по всему, вначале располагались в Нальчикской крепости, откуда в 1832 г. были отправлены в Ставрополь²³. В мае 1833 г. они – под предлогом попустительства закубанским горцам со стороны карачаевцев – были переведены в Дмитриевский полубатальон военных кантонистов (сыновей солдат и военных поселенцев) в Финляндию, откуда были возвращены по ито-

²¹ Севастьянов А. Двести лет из истории русской интеллигенции. Попытка социологического анализа // Наука и жизнь. – 1991. – № 3. С. 109.

²² Документы по истории Балкарии (конец XIX – начало XX в.) / сост. Е.О. Крикуновой. – Нальчик, 1959. С. 18.

²³ Бегеулов Р.М. Карачай в Кавказской войне XIX века. – Черкесск, 2002. С. 118.

гам переговоров 1834 г.²⁴ Их вернули в Нальчик, поскольку именно оттуда в 1836/37 г. аманаты были переведены в русское укрепление близ верхнекубанского Каменного Моста, «где и ожидали обмена». В числе этой, видимо, второй группы были Асланбек Бийнегеров (Крымшамхалов), Ислам Карабашев, Хасан Сагоев (видимо, искаженное Согаев – клан Казиевых), Мет Темурзин(?)²⁵. К третьей группе аманатов относились Абдурахман Боташев²⁶, Даулетгерий Салпагаров²⁷. Командование стремилось к тому, чтобы взрастить из аманатов будущих приверженцев России. Важной составляющей этого процесса считалась учеба. Многие из аманатов обучались в Нальчикской военно-аманатской школе²⁸, где детям прививали современные идеи и начальные знания. Один из бывших аманатов, Эдигей Казиев (1810–1844) был впоследствии воспитан в шотландской колонии Каррас²⁹ в районе Кавказских Минеральных вод, принял протестантство (в крещении Андрей Хай) и, помимо родного карачаевского, русского, черкесского языков, освоил турецкий и ряд европейских (английский, немецкий, греческий) языки³⁰, что, видимо, можно считать результатом обучения. Зная судьбу многих из упомянутых лиц, можно согласится с тем, что «из числа аманатов выходили очень многие представители формирующейся «российскости», которая стала ведущей тенденцией и реальностью исторической интеграции южных областей» нашей страны³¹.

Тем не менее, проблема образования стояла в горских районах Северного Кавказа чрезвычайно остро. Даже полвека спустя после присоединения к империи в 1890-х гг. во всех селениях Карачая и Черкесии функционировало лишь 16 начальных школ («училищ»), где училось 846 детей³². К началу 1903 г. во всех горских начальных школах работало 66 педагогов³³. Здесь можно отметить, что преподаватели этих школ формально пользовались «правами государственной

²⁴ Социально-экономическое, политическое и культурное... С. 48–49.

²⁵ Бегеулов Р.М. Карачай в Кавказской войне... С. 124.

²⁶ Известные люди Карачаево-Черкесии / сост. К.С.-Б. Урусов, Р.Т. Хатуев. – Черкесск, 1997. – Т. 1. С. 148; Лайпанова З.К. Просветители Карачая и Черкесии. – Черкесск, 2008. – С. 37.

²⁷ Лайпанланы Къазий. Къарачай аманатла // Къарачай. – 8 апреля 1998. (На карачаево-балкарском языке).

²⁸ Лайпанова З.К. Просветители Карачая и Черкесии. – Черкесск, 2008. – С. 37.

²⁹ Шотландская библейская миссия в ауле Каррас в Пятигорье существовала в 1805–1835 гг. См.: Клычников Ю.Ю. Использование религиозного фактора в российской политике на Северном Кавказе в конце 20-х – 30-е годы XIX века // Вопросы северокавказской истории / под ред. В.Б. Виноградова. – Армавир, 2001. – Вып.1. Часть I. С. 59–60.

³⁰ Бегеулов Р. Эдигей Казиев: заложник, шпион, дипломат // Вести гор. – 26 сентября–2 октября 2006.

³¹ Такова Д.Д. Аманаты – гаранты верности складывающегося сообщества // Вопросы южно-российской истории: сб. статей / под ред. В.Б. Виноградова. – М.-Армавир, 2007. – Вып. 13. С. 111.

³² Социально-экономическое, политическое и культурное... С. 177–178.

³³ Лайпанова З.К. Просветители... С. 46–48.

службы». Но на деле они различались: одна часть учителей этих школ числилась по штату министерства народного просвещения, «точно и аккуратно» получая жалованье 20-го числа каждого месяца, в то время как другая их часть, находившаяся на содержание аульных обществ, получала жалованье с опозданием в 1–4 месяца³⁴.

Престиж интеллектуального труда обусловил стремление некоторых горцев дать своим детям образование. Но следует учесть, что этот процесс не затронул горские низы, а был первоначально ограничен прослойкой состоятельных семей³⁵. Наиболее просвещенная часть горской элиты уже тогда старалась обучить своих детей в городских учебных заведениях (на селе средних школ не существовало), в первую очередь в гимназиях. Еще в 1842 г. специальное отделение для воспитания детей почетных горцев было открыто при Ставропольской гимназии (учрежденной в 1837 г. преобразованием высшего уездного училища в Кавказскую областную гимназию)³⁶. Из Баталпашинского отдела в ней учились карачаевцы (Ислам Крымшамхалов и его брат Мырзакул, Ислам Дудов, Ильяс Байрамуков, Ислам Хубиев, Саид Халилов), абазины (Адиль-Гирей Кешев), ногайцы (Магомет-Гирей Мансуров), осетины (Коста Хетагуров) и др.³⁷

Лишь в начале 1900-х гг. в административном центре отдела станице Баталпашинской были созданы мужская и женская гимназии, в которых учились будущие общественные деятели горцев – Фарида Батчаева, Магомет Батчаев, Хамзат Каракетов, Магомет Хасанов и др. Часть карачаевцев получала образование в гимназиях Кисловодска (Ахмат Бегеулов, Бекмурза Байчоров, Мариям Хубиева и др.)³⁸.

Все это позволило к моменту падения монархии повысить грамотность мужской части горского населения Карачая почти до 12% (женской части до 2%)³⁹.

Наиболее передовая часть элиты горцев осознавала особую перспективность специального образования. Его у коренного населения раньше всех получили воспитанники военно-учебных заведений, то есть офицеры. По имеющимся данным первым карачаевцем, получившим военное образование, является обучавшийся в кадетском корпусе (в 1843–1847 гг.) князь Хаджи-Мырза Крымшамхалов, который затем 28 лет прослужил в российской армии, дойдя до чина рот-

³⁴ Колесников В. Нужды Карачая // Кубанские областные ведомости. – 1898. – № 259.

³⁵ О зарождении национальной интеллигенции см.: Тебуев Р.С., Урусов К.С.-Б., Хатуев Р.Т. Карачаевцы // Народы Карачаево-Черкесии: история и культура / отв. ред. В.Ш. Нахушев. – Черкесск, 1998. – С. 269.

³⁶ Социально-экономическое, политическое и культурное... С. 248; Очерки истории Ставропольского края / отв. ред. А.А. Коробейников. – Ставрополь, 1984. – Т. 1. – С. 371.

³⁷ Лайпанова З.К. Просветители... С. 39–40.

³⁸ Там же. С. 48–50.

³⁹ Там же. С. 50.

мистра. (Имел четыре имперских ордена (Св. Станислава III и II ст., Св. Анны III ст. и с мечами и бантом II ст.)⁴⁰. Будущий полковник Мырзакул Крымшамхалов окончил Киевское пехотное юнкерское училище (1893–95), его младший брат Басханук, ставший капитаном, обучался в Одесском пехотном юнкерском училище (1904–06)⁴¹.

Из гражданских видов государственной службы очень престижной считалась юридическая служба, но получивших соответствующее образование было крайне мало (юристами стали Аубекир Батчаев, Бекмырза Крымшамхалов). Собственно говоря, в повседневности горцы сталкивались с госслужащими-юристами нечасто: ближайšie к аулам Большого Карачая юридические структуры располагались в 50 км севернее – в Хумаринском укреплении, куда к началу XX в. перемещался «центр карачаевской гражданской жизни»⁴². В 1915 г. Г.Ф. Чурсин писал, что «Хумаринское укрепление – административный центр Карачая: здесь помещается горский суд, ведающий дела карачаевцев; живут участковый начальник и карачаевский лесничий»⁴³.

К престижной тогда категории служащих относились инженера и техники. Среди горцев Верхней Кубани ими были в основном выпускники Майкопского технического училища (Асхат Биджиев⁴⁴, Ильяс Кочкаров, Рамазан и Гапалау Текеевы, Умар Узденов, Асланбек Кочкаров, Али Хасанов⁴⁵ и др.). Значительная их часть занимала ключевые руководящие посты в советское время. Первым карачаевцем с высшим инженерным образованием стал князь Ислам Дудов, воспитанник двух гимназий: Кубанской войсковой и Ставропольской (1872 г. с серебряной медалью)⁴⁶. Как писал Б.М. Городецкий (1915), «не ограничиваясь начальным образованием, карачаевцы отдают своих сыновей и в средние школы ближайших городов, в учительские семинарии, в средние технические училища»⁴⁷.

К числу авторитетных служащих относились и учителя, в связи с чем популярна была Кубанская учительская семинария (созданная в 1871 г.) – первое

⁴⁰ Батчаев Ш.М. Князя Крымшамхаловы (клан Бийнёгерлери) в русской армии // Вестник Карачаево-Черкесского музея-заповедника (КЧМЗ) / отв. ред. У.Ю. Эльканов. – Черкесск, 2004. – Вып. 1. С. 9–10.

⁴¹ Батчаев Ш.М. Джатдай. – Ставрополь, 2006. С. 78–79.

⁴² Колесников. Нуды Карачая // Кубанские областные ведомости. – 898. – № 242.

⁴³ Чурсин Г.Ф. Поездка в Карачай // Известия Кавказского отделения Императорского Русского географического общества (Далее ИКОИРГО). – Тифлис, 1915. – Т. XXIII, № 3. – С. 242.

⁴⁴ Лайпанова З.К. Просветители... С. 41.

⁴⁵ Архив Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника (АКЧМЗ). Ф. 2. Д. 38. (Письмо М. Куажева Н.Т. Хасанову 14.01.1959).

⁴⁶ Социально-экономическое, политическое и культурное... С. 153–154, 257.

⁴⁷ Городецкий Б.М. Очерки по кубановедению. Быт и культура населения Кубанской области // Кубанская школа. – 1915. – № 5. – С. 307.

среднее специальное учебное заведение в Кубанской области. Она функционировала с 1871 г. и изначально предназначалась для подготовки учителей в казачьих станицах, но сюда стали принимать и горских детей⁴⁸. Ее окончили будущие общественно-политические деятели Карачая и Черкесии Курман-Али Курджиев, Рамазан Куатов, Хызыр Халилов, Тохтар Биджиев, Умар Чапаров, Асланбек Калмыков, Магомет Санглибаев и др.⁴⁹ Некоторые педагоги специальное образование получили в тифлисской Александровской учительской школе (например, заведующий Бибердовской школой осетин Кулаев), тифлисской Закавказской учительской семинарии (заведующий Учкуланской школой Имадеддин Субханкулов)⁵⁰.

Уважением пользовалась и профессия служащего-медика. Единственным из доступных основной массе горцев Кубанской области медицинских учебных заведений являлась Екатеринодарская военно-фельдшерская школа, действовавшей при Кубанском казачьем войске с рубежа 1870/80-х гг. Здесь предусматривался 4-летний курс обучения, куда принимали мальчиков 13–15-летнего возраста⁵¹. В разное время здесь учились Даут Гутекулов, Анзор Каракетов, Нюр-Магомет Кочкаров (в 1919–1920 гг. – глава белогвардейской администрации Карачая), его брат Хаджи-Мурат Кочкаров, Магомет Кмызов, Ибрагим Мамчурев, Таубий Хубиев, Бекир Чеккуев, Халит Эркенов⁵² и др.

Таким образом, представления о высокой престижности государственной службы возникли и в значительной степени закрепились в сознании горцев еще в имперский период. Значительная часть молодежи из Карачая старалась выбрать жизненный путь служащего – гражданского или военного. В этом отношении смена политического режима в 1917 г. мало что изменила. Стремление попасть в политическую элиту осталось и даже усилилось.

4. Изменения, происходящие в результате введения советской власти

Отметим, что большевистский режим установил систему жесткой регламентации практически всех сфер жизни общества и контроля над ними. Такая система неизбежно стимулировала рост чиновничества. Численность его постоянно

⁴⁸ Трехбратова С.А. Учительская семинария // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. – Краснодар, 1997. – С. 489.

⁴⁹ Лайпанова З.К. Просветители... С. 41.

⁵⁰ Социально-экономическое, политическое и культурное... С. 172, 173.

⁵¹ Яковлев В.И. Фельдшерская школа // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. – Краснодар, 1997. – С. 493.

⁵² Лайпанова З.К. Просветители... С. 41.

но росла и стала превосходить количество служащих даже предшествующего имперского периода. Достаточно указать, что, если в 1913 г. на одного служащего в России приходилось 15 рабочих, то в 1920 г. – уже 7, то есть за очень короткий срок произошло практически удвоение численности чиновников⁵³. Но количественный рост – лишь один аспект рассматриваемого процесса. Был и другой – качественный. Особенностью исторического развития России XX в. стали, как справедливо отмечают исследователи, «такие резкие смены элиты, которые не переживала ни одна из ведущих стран мира»⁵⁴. Развивая данную мысль, хотелось бы подчеркнуть, что резкая смена элит была обусловлена не только масштабными сдвигами (в ходе и в результате Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны 1917–1920 гг.), когда менялся социально-политический строй страны, но и процессами, происходившими внутри одного (советского, социалистического) строя. В последнем случае менялся не правящий класс, а его генерация. Попытаемся рассмотреть данную тему более подробно.

В предгорной части Верхней Кубани советская власть более-менее утвердилась весной 1920 г. (в нагорье вооруженное сопротивление новой власти продолжалось еще несколько лет⁵⁵). Вскоре в Москве уже было принято решение создать на базе Терской области и частично Кубанской области Горскую автономную советскую социалистическую республику (ГАССР). Обосновывая необходимость включения в ее состав Карачая, У.Д. Алиев в своей докладной записке на имя В.И. Ленина от 18 октября 1920 г. писал, что «Карачай должен представлять собой нечто вроде местных самоопределенных единиц (кантон)», которым должен управлять «общекарачаевский орган власти, объединяющий всех карачаевцев в Терской и Кубанской областях с присоединением к ним (по желанию) соседних аулов черкесов и прочих»⁵⁶.

Фактическое начало становления собственных территориальных органов советской власти у горцев Карачая относится к поздней осени 1920 г., когда их полномочная делегация приняла участие в работе Съезда народов Терека, проходившего во Владикавказе. 17 ноября здесь было провозглашено образование ГАССР, а 19 ноября объявлено о создании в ее составе административных (фактически национальных) округов. Одним из них стал Карачаевский округ с цент-

⁵³ Холодков В. Государственный социализм и образование нового класса в СССР // Вопросы экономики. – 1992. – № 1. С. 130.

⁵⁴ Иноземцев В. Смерть традиции // Независимая газета. – 8 августа 2007.

⁵⁵ Кратова Н.В. К вопросу о мероприятиях советской власти в борьбе с бело-зеленым движением на территории Верхней Кубани: 1920–1922 // Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований (КЧИГИ). – Ставрополь, 1999. – Вып. I. С. 57–65.

⁵⁶ Лайпанов К.Т., Батчаев М.Х.-К. Умар Алиев. – Черкесск, 1986. С. 110–112.

ром в г. Кисловодске⁵⁷. Собственно, окончательное юридическое оформление ГАССР произошло 20 января 1921 г. декретом Президиума ВЦИК. Но округа со своими управленческими институтами были фактически созданы уже в ноябре 1920 г. С того времени в Карачаевском округе государственная власть осуществлялась чрезвычайными органами советской власти – революционными комитетами (ревкомы) – окружным и аульными.

По сути, с первых же дней существования Карачаевского округа перед его лидерами довольно остро встали две проблемы, с которыми новая власть столкнулась в процессе государственного строительства. Во-первых, на территории округа не было ни городов, ни городского поселения, способных выполнить функцию административного центра. В таких условиях окружные органы власти были размещены в г. Кисловодске, который в состав округа не входил. Во-вторых, стояла острая кадровая проблема. Причем, не хватало как управленцев общего профиля, так и специалистов.

По-видимому, следует признать осознание большевиками того, что их военная победа в гражданской войне еще далеко не тождественна победе политической и, тем более, идеологической. Основная проблема любого режима – кадровая – не могла решаться новой властью исключительно за счет заведомо «стойких и испытанных» борцов за нее. В национальных окраинах бывшей империи такая ситуация объективно толкала новые власти к проведению тактичного, можно сказать, деликатного курса в вопросе комплектования местных органов власти. Многие лица, работавшие в структурах белогвардейцев, были не только негласно амнистированы, но и смогли достаточно успешно адаптироваться к служебной среде в органах управления новой власти.

Служащие прежних (царского и белогвардейского) режимов стали привлекаться к работе в окружной администрации с первых же дней существования Карачаевского округа. В этой связи примечательны карьерные судьбы видных деятелей времен деникинского режима. Здесь уместно упомянуть советскую карьеру Рамазана Куатова, получившего образование в Кубанской учительской семинарии⁵⁸. Он был активнейшим деятелем местной белогвардейской администрации, и в глазах убежденных большевиков считался довольно одиозной фигурой. Один из бывших красных командиров Г.Е. Пономаренко позднее писал, что Куатов действовал «совместно с князем Крымшамхаловым – вождем карачаевской контрреволюции» и «по зову Куатова и Крымшамхалова вскорости... Карачай дал отряд добровольцев под командованием Хамзата Боташева»

⁵⁷ Лайпанов К.Т. Октябрь в Карачаево-Черкесии. Борьба большевиков за власть Советов (1917–1920 гг.). – Черкесск, 1987. С. 177.

⁵⁸ Хатуланы Р., Шаманланы И. Къуатланы Рамазан // Къарачай. – 17 апреля 2008.

для борьбы с Красной Армией⁵⁹. Одно время Куатов являлся членом белогвардейского военно-полевого суда⁶⁰. Тем не менее, по предложению У.Д. Алиева этого деятеля включили в состав ревкома Карачаевского округа (ноябрь 1920 г.), чуть позднее назначили на пост заместителя председателя Карачаевского окружного ревкома (март 1921 г.), а затем избрали заместителем председателя окружного исполкома Советов (апрель 1921 г.). В мае 1921 г. Куатов вступил в ряды Коммунистической партии, а в документах, датируемых началом ноября – декабрем, фигурирует как Председатель Карачаевского ревкома⁶¹, то есть как глава советского Карачая, преемник У.Д. Алиева. В последующем он занимал ответственные посты в Карачаево-Черкесской автономной области (КЧАО), существовавшей в своем первом «издании» в 1922–1926 гг.

В 1926 г. во ВЦИК от Карачаево-Черкесии был проведен Тину Аджиев, бывший аульный старшина⁶². Ибрагим Боташев – бывший адъютант белогвардейского генерала Султан Клыч-Гирея – возглавлял в 1924–1928 гг. областной отдел народного образования, а упоминавшийся выше бывший помощник атамана Баталпашинского отдела и бывший белогвардейский офицер Хамзат Боташев стал председателем Мало-Карачаевского окружного исполкома⁶³. Белогвардейский функционер прапорщик милиции Мудалиф Урусов, который был «одним из активных работников по мобилизации горцев на фронт против Красной Армии», при большевиках стал председателем Хумаринского окружного исполкома⁶⁴.

Кстати, аналогичная ситуация наблюдалась и в соседней Черкесии, где в органах советской власти стали работать Асхад Дзыба, бывший член Кубанской Рады (он «вел очень сильную борьбу с национал-шовинизмом Черкесии на протяжении ряда лет»), был впоследствии арестован НКВД «как активный участник контрреволюционного заговора»), Кучук Чапаров (бывший офицер, также бывший член Рады) и др.⁶⁵

У истоков зарождения органов управления здравоохранением Карачая стоял выпускник Екатеринодарской военно-фельдшерской школы Магомет Кочкаров, который при царе получил чин губернского секретаря и в сентябре 1919 – марте 1920 г. являлся главой белогвардейской администрации Карачая (начальником 5-го участка Баталпашинского отдела). С образованием Карачаевского округа

⁵⁹ АКЧМЗ. Ф. 1. Д. 3. (Записка Г.Е. Пономаренко «Карачай и Черкесия при белых»).

⁶⁰ ЦДОДП КЧР. Ф. 364. Оп. 1. Д. 14. Л. 202.

⁶¹ ГА КЧР. Ф. 326. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

⁶² ЦДОДП КЧР. Ф. 364. Оп. 1. Д. 178. Л. 327.

⁶³ Там же. Л. 331, 338.

⁶⁴ ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 16. Л. 46об.

⁶⁵ АКЧМЗ. Ф. 2. Д. 1. Ед.хр. 11. (Заметка Пономаренко Т. «Руководители Черкесии в 1918 году»).

в ноябре 1920 г. его пригласили работать в высший орган власти автономии – окружной революционный комитет (ревком), где он возглавил отдел здравоохранения, а позднее – и отдел юстиции. Затем Кочкаров возглавлял систему здравоохранения КЧАО⁶⁶. Существенную роль в становлении системы здравоохранения Карачаево-Черкесии сыграл и его брат Хаджи-Мурат Кочкаров, становление которого как медика также произошло при прежнем режиме⁶⁷.

На «старых кадрах» базировалось зарождающееся управление системой просвещения. Не случайно бывший член Рады, выпускник Кубанской учительской семинарии Тохтар Биджиев возглавил в Карачаевском округе отдел народного образования⁶⁸.

В организации системы советской прессы новая власть не смогла обойтись и без способных представителей зарождавшейся при царизме журналистики, проявивших себя при предыдущих властях. Самым ярким из них стал, пожалуй, Ислам Хубиев (Карачайлы). Его членство в белогвардейской Раде было «забыто» и большевистские власти Карачаевского округа назначили его руководителем отдела политико-просветительской работы (политпросветом) – важнейшей в ту пору региональной государственной структурой идеологической сферы. Упомянутый выше Исмаил Акбаев, удостоенный офицерского чина атаманом Филимоновым, встал у истоков советской газеты «Таулу Джашау» («Горская Жизнь»). Он же способствовал появлению первой национальной типографии в Карачаево-Черкесии⁶⁹.

Немало «бывших» проявило себя в хозяйственном управлении. Так, в годы нэпа крупным руководителем считался бывший профессиональный учитель Иммолат Хубиев, который несколько лет возглавлял сельскохозяйственное кредитное товарищество «Кызыл Малчы»⁷⁰.

В те годы бывший член Рады, профессиональный техник Али-Солтан Герюгов возглавлял областную плановую комиссию, курорт Теберду, строительство областного центра – города Микоян-Шахара и др.⁷¹

Следует отметить привлечение «бывших» к работе в силовых структурах. У.Д. Алиев в упоминавшейся докладной записке на имя Ленина настаивал на силовом обеспечении властей проектируемой автономии. Поэтому им указывалось на то, что необходимо «немедленно организовать достаточное количество

⁶⁶ Подробнее политическую биографию М. Кочкарова см.: Шаманланы И., Хатуланы Р. Къочхарланы Мухаммат // Къарачай. – 6 декабря 2007.

⁶⁷ ГА КЧР. Ф. Р-316. Д. 6. Л. 33об., 126, 127об.

⁶⁸ Известные люди... С. 132–133.

⁶⁹ Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в.: Избранное / сост., предисл., статьи об авторах и комм. Т.Ш. Биттировой. – Нальчик, 1996. С. 77.

⁷⁰ ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 13. Л. 53.

⁷¹ ЦДОДП КЧР. Д. 1. Л. 23; Д. 13. Л. 29.

милиции внутренней охраны» (для защиты от разбоев и грабежей) и «организовать караульные полки» (для очистки горной полосы от вооруженной оппозиции, для охраны перевалов). В связи с этим Алиев просил выделить автономии «в срочном порядке» требуемое количество оружия⁷².

Но вставал вопрос о том, как доверить оружие вчерашним бойцам белогвардейских частей, боровшихся с Красной Армией. Однако выхода не было и практически все силовые структуры округа формировались из числа тех, кто был связан военной службой с белой армией. Бывший белогвардеец Магомет Айбазов, служивший в деникинском 1-м Карачаевском полку, был принят в партию уже в 1920 г., став начальником окружной милиции⁷³. Затем он возглавил колхоз им. Ленина⁷⁴. В том же белогвардейском полку служили: Магомет Карашев, который в правление У. Алиева стал начальником штаба – заместителем начальника окружной милиции, Шогаиб Байкулов, назначенный политическим комиссаром окружной милиции, Джатдай Байрамуков, возглавивший милицию в а. Хурзук⁷⁵.

5. Укрепление советской власти

Опорой нового режима стали и вчерашние идейные противники, поступавшие на службу в силовые структуры. Якуб Айбазов был не только сыном джегутинского муллы Зама-эфенди, но и около 5-ти лет получал духовное образование. Даже став комсомольцем (1922), Якуб некоторое время добросовестно исполнял религиозные обряды, был даже муэдзином. Это не помешало ему стать активным бойцом советской части особого назначения (ЧОНа), в рядах которой он сражался с антисоветской вооруженной оппозицией (позднее Я. Айбазов возглавил областной совет профсоюзов, занимал ответственные государственные должности)⁷⁶.

В привлечении специалистов-управленцев в отрасль юстиции дело доходило до рискованного привлечения ярких представителей вчерашних «эксплуаторских классов». Так, в годы нэпа стал председателем областного суда КЧАО стал бывший князь Бекмурза Крымшамхалов (упоминается в начале 1920-х гг. также в составе областного Экономического совета)⁷⁷. В последующие годы он продолжал входить в состав областного суда КЧАО и Карачаевской автономной об-

⁷² Лайпанов К.Т., Батчаев М.Х-К. Умар Алиев... С. 110–112.

⁷³ Батчаев Ш.М. Джатдай. – Ставрополь, 2006. С. 149.

⁷⁴ ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 84. Л. 227–228.

⁷⁵ Батчаев Ш.М. Джатдай. – Ставрополь, 2006. С. 108, 109, 118.

⁷⁶ ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 6. Л. 47–47об., 60об–61.

⁷⁷ ЦДОДП КЧР. Ф. 364. Оп.1. Д. 178. Л. 338.

ласти (КАО)⁷⁸. Это весьма примечательная личность, первый карачаевец, окончивший МГУ. Он родился в 1879 г. на хуторе Эльтаркач аула Джегутинский в имении своего отца, ротмистра Хаджи-Мырзы Крымшамхалова, уже известного нам в статусе первого карачаевца, получившего военное образование (см. выше). В свидетельстве, выданном в июне 1887 г. аульным правлением за подписью старшины Наны-хаджи Хубиева, Бекмырза характеризуется как «телосложения здорового, поведения весьма хорошего, знающего грамоту на арабском языке». Среднее, 10-летнее образование он получил в Ставропольской гимназии, сразу же после окончания которой подал прошение (3.07.1900 г.) и был принят на юридический факультет Императорского Московского университета. Последние из известных нам сведений о нем относятся к августу 1929 г., когда он проживал в г. Слуцке (бывший Павловск) Ленинградской области⁷⁹.

В нэповские годы бывший дворянин и полковник Барасби Мамышев стал судьей в Мало-Карачаевском округе, членом коллегии адвокатов при областном суде КЧАО⁸⁰. Некоторое время в системе советской юстиции в качестве судьи 2-го участка работал и бывший глава белогвардейской администрации Карачая Аубекир Багчаев⁸¹.

Как видим, в нэповский период кадровая политика в Карачае в целом характеризовалась широким привлечением управленцев, сформировавшихся в профессиональном плане еще в досоветский период. Таким образом, в то время прагматично руководствовались приоритетом текущих потребностей дня, а не идеологическими установками.

«Старорежимные» специалисты сравнительно бесппроблемно проработали на своих местах (многие на довольно высоких) большую часть периода нэпа. Лишь в 1928–1929 гг., когда политика экономических послаблений начала форсированно сворачиваться, началось «очищение» кадрового пространства от тех, чей чиновничий стаж начался еще при царе.

Но такая замена – и это следует особо отметить – обуславливалась не только изменением политического курса в масштабах государства. Дело в том, что именно к концу нэпа получили дипломы и вернулись в Карачай те молодые люди, которые были направлены в вузы и ссузы страны коммунистическими властями. Иными словами, за нэповские годы было возвращено новое, уже сугубо советское поколение специалистов, которое могло безболезненно и достойно заменить «ста-

⁷⁸ ЦДОДП КЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 20, 32; Ф. П-45. Оп. 1. Д. 1. Л. 207; Д. 10. Л. 260.

⁷⁹ См.: Каракетов М.Дж. Карачаевская аристократия на службе советской власти // Известия Карачаевского научно-исследовательского института (Далее Известия КНИИ). С. 29–32.

⁸⁰ Опрышко О. На изломе времен. – Нальчик, 1996. С. 98, 100.

⁸¹ ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 10. Л. 222; Хатуев Р., Шаманов И. Пристав Карачая // Карачаево-балкарский мир. – декабрь 2000. – № 1(40).

рые кадры». Совершенно справедливо в 1928 г. известный в ту пору руководитель М.А. Хасанов отмечал, что «в верхах был мир, пока не вырос низовой актив», после чего и «нарушился покой» прежней прослойки лидеров. «Это началось с 1926 года, – говорил Хасанов, – когда товарищи Бегеулов, Батчаев хотели хоть немного обновить аппарат»⁸², то есть участвовать в управлении автономией.

Старшее поколение элиты нельзя было устранить без объяснений, без аргументированного обоснования. Необходим был весомый повод, и он появился. Эту роль сыграла погромная статья (может быть, заказанная кем-то из тогдашних фигурантов политической жизни КАО) «Княжеские зубы в Карачаевском заповеднике», автором которой был некто Чернышев. Статья была опубликована в газете «Правда» от 15 сентября 1928 г. и перепечатана в северокавказской прессе (например, в газете «Молот», издававшейся в Ростове-на-Дону от 15.11.1928). В ней говорилось о засоренности неблагонадежными лицами партийно-советского актива Карачаевской АО. Поскольку речь шла о главном рупоре режима, печатном органе ЦК ВКП/б/, подобная публикация в ту пору рассматривалась как экстраординарное событие. Ситуация требовала неременной реакции на высшем региональном уровне и в этой связи в следующем месяце было решено созвать 5-й объединенный пленум обкома ВКП/б/ и областной контрольной комиссии (КК) ВКП/б/⁸³.

Но перемены начались за несколько месяцев до пленума. К тому времени была оттеснена так называемая «группа Халкечева»⁸⁴. Были смещены: Т. Биджиев (в 1918–1920 гг. член Кубанской краевой рады) – с поста председателя окружного земельного управления Малого Карачая, Х. Боташев (в 1918–1920 гг. – помощник атамана Баталпашинского отдела) – с поста председателя окружного исполкома⁸⁵ и т.д. В сентябре 1928 г. местный политический олимп покинули известные всей области: Р. Куатов (заведующий облфинотделом), М. Кочкаров (заведующий облздраотделом), М. Хасанов (заведующий областного земуправления (облзу)), Б. Чеккуев (директор областного лесного треста). Отметим, что практически все они – выпускники учебных заведений досоветской поры. Тогда же областному суду было предложено немедленно удалить из судейского корпуса «бывших помещиков» Крымшамхалова и Блимготова. Кроме того, были назначены новые главы исполкомов всех трех административных округов области – Учуланского (Исса Каракетов), Хумаринского (Нанаш Курджиев), Мало-Карачаевского (Касым Боташев)⁸⁶.

⁸² ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 16. Л. 53.

⁸³ ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 18. Л. 59–60.

⁸⁴ Там же. Д. 16. Л. 50, 51.

⁸⁵ Там же. Л. 50об., 53.

⁸⁶ ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 18. Л. 59–60.

Наконец, 30 октября того же года в Баталпашинске начал работу 5-й пленум обкома, продлившийся пять дней – рекордный для регионального парткома срок⁸⁷.

Некоторые персоналии, упоминавшиеся в статье, подверглись различного вида наказаниям, например, решением пленума из партии были исключены некоторые видные деятели областного ранга. В их числе был Али-Солтан Джаубаев, занимавший должность областного прокурора. Он обвинялся в том, что в период гражданской войны являлся адъютантом «при палаче трудящихся масс Карачая князе Крымшамхалове», после вступления в партию получил «большой калым» при выдаче своей сестры замуж, допускал «ряд искажений советской политики» на служебном посту⁸⁸.

Из партии исключили и Р. Куатова, упоминавшегося нами выше. Его обвиняли в том, что в 1918–1919 гг. вел «активную контрреволюционную работу», а в текущий момент совершил поступки «некоммунистического характера (воспрепятствование выселению бывших помещиков, грубость)». Одновременно он был снят с оставшегося за ним поста председателя правления союза сельскохозяйственной кооперации⁸⁹.

Был исключен из партии и снят с руководящей должности в правлении областной потребкооперации (ЕПО) Алимырза Темирбулатов. Он обвинялся в соучастии в расстреле красноармейцев в годы гражданской войны, характеризовался как «контрреволюционный элемент», который «приспосабливается и примазывается к партии». В докладе областного партийного лидера Макарова (в документах: «ответственный секретарь» и просто «секретарь» обкома ВКП/б/) указывалось и на смягчающее обстоятельство: «батрак, бессознательный», совершавший проступки «благодаря неграмотности»⁹⁰. Правда, в итоговом решении пленума слово «батрак» исчезает и указывается отягчающее в ту пору социальное происхождение: «из бывших князей»⁹¹.

По обвинению в хозяйственных преступлениях из рядов ВКП/б/ был исключен и Иммолат Хубиев – тесть некогда могущественного лидера советского Карачая У.Д. Алиева. Его также лишили руководящей должности⁹².

За сокрытие офицерского звания, полученного от белогвардейцев, получил строгий выговор и лишился должности глава Хумаринского окрисполкома М.К. Урусов⁹³.

⁸⁷ Там же. Д. 16. Л.36, 44.

⁸⁸ Там же. Л. 46об.

⁸⁹ Там же. Л. 68.

⁹⁰ ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 16. Л. 50.

⁹¹ Там же. Л. 68.

⁹² Там же. Л. 46об., 68об.

⁹³ Там же.

Обструкции подвергся упоминавшийся выше М. Хасанов, в 1924–1925 гг. возглавлявший исполком Мало-Карачаевский округа, а затем занимавший посты заместителя председателя облисполкома, заведующего облзу. К обвинениям в газетной статье добавились «факты», уличающие его в социальной неблагонадежности (со своим братом Исмаилом М. Хасанов якобы самовольно захватывал и продавал землю, сотрудничал с деникинцами и т.п.). Хотя начальник областного отдела ОГПУ Лицис настаивал на исключении Хасанова из партии «как попутчика», пленум решил рассмотреть вопрос по итогам дополнительного изучения. Интересно, что в ходе обсуждения участники пленума открыто указывали на неправильные заявления шефа госбезопасности. Так, Акбаев сказал, что «Лицис... не прав в установке по вопросу Хасанова», а И. Каракетов – напрасно «тов. Лицис приписывает» Хасанову вину в сокрытии земельного владения⁹⁴.

Пленум, по сути, признал, что ошибки в кадровой политике объяснялись тем, что горный край не созрел до принятия идей пролетарской революции.

В решении пленума говорилось, что в Карачае не было «национального пролетариата», здесь «отсутствовали доподлинно революционные, пролетарские парторганизации» и не было «даже лиц, связанных в прошлом с революционным движением». Характерна негативная оценка не только «помещиков» и «кулаков», но и «националистической контрреволюционной интеллигенции»⁹⁵, которая совпадает с резко отрицательным отношением к «старой» интеллигенции самого В.И. Ленина.

Участники пленума неоднократно указывали на раскол партийно-советской элиты по сословному признаку. Макаров заявил в этой связи, что «сословная группировка не изжита» и ряд выступлений указывают на «существование сословного антагонизма»⁹⁶.

Любопытно, что не все обвинения со стороны газеты ЦК партии были приняты пленумом обкома. Так, упомянутые в публикации Хаджибек Боташев (народный судья 2-го участка), Сулейман Салпагаров (заведующий областным архивным бюро), Маджид Коркмазов (заведующий облоно), Якуб Айбазов (организатор областного комсомола) не получили никаких взысканий, а наоборот получили полное оправдание⁹⁷. Очевидно, что в годы нэпа в партийных рядах все еще бытовали демократические начала и даже указания центральной газеты ЦК большевистской партии не воспринимались на местах как «истина в последней инстанции», что имело место позднее, в особенности во второй половине 1930-х гг.

⁹⁴ Там же. Л. 63, 63об.

⁹⁵ ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 16. Л. 45.

⁹⁶ Там же. Л. 63об.

⁹⁷ Там же. Л.36, 47об.–48, 68–69.

В период чистки появилась устойчивая формула «исключить из партии, использовать на советской работе»⁹⁸.

Следующая «чистка» была проведена в августе 1929 г. Решением 5-го пленума обкома партии были сняты с постов и исключены из партии: члены обкома О. Хачиров (председатель облисполкома КАО), Я. Айбазов, Д. Акбаев, И. Каракетов, М. Халилов, Халкечев, кандидаты в члены обкома Агейченко, Я. Боташев, М. Урусов, член ревкомиссии М Айбазов⁹⁹.

На бюро обкома почти в массовом порядке были выдвинуты новые кадры на должности регионального уровня – председателя облисполкома, начальника областного административного отдела, заведующих облзу облисполкома и орготдела обкома, председателя облсовпрофа, редактора областной газеты и др.). Это было сделано «ввиду того, что во время чистки Областного актива некоторые областные работники комиссией были вычищены»¹⁰⁰.

6. Чистки во второй половине 30-х годов XX века

Более масштабные «чистки», а затем и прямые политические репрессии проводились и первой половине 1930-х гг., но наибольший размах они получили в печально известные 1937–1938 гг. Картину потерь среди карачаевской элиты того времени помогают прояснить нижеприводимые данные.

Репрессиям подверглись почти все главы исполнительной власти Карачая, занимавшие этот пост с ноября 1920 г. по начало сентября 1937 г.: У. Алиев – председатель ревкома, исполкома Карачаевского округа в 1920–1921 г. (расстрелян 24.06.1937)¹⁰¹; Р. Куатов – председатель ревкома Карачаевского округа в 1921–1922 гг. (погиб в заключении в 1937 г.)¹⁰²; А. Хасанов – председатель ревкома, исполкома Карачаевского округа в 1922 г. (расстрелян 26.12.1937)¹⁰³; К-А. Курджиев – председатель облисполкома КЧАО и КАО в 1922–1926 гг., 1927–1928 гг. и 1934–1936 гг. (расстрелян 7.10.1937)¹⁰⁴; М. Батчаев – председатель облисполкома КАО в 1926–1927 (расстрелян 24.06.1938)¹⁰⁵; О. Хачиров – председатель

⁹⁸ Там же. Л.50, 51, 51об.

⁹⁹ Там же. Д. 24. Л. 20.

¹⁰⁰ ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 27. Л. 23.

¹⁰¹ Шаманов И.М. Государственный деятель, ученый, патриот // Карачаево-Балкарский мир. – 31 марта 1991.

¹⁰² Аппаланы Билял. Финанс ишлени устасы // Къарачай. – 15 июля 2002.

¹⁰³ Шаманланы Ибрахим, Хатуланы Рашид. Хасанланы Алий // Къарачай. – 3 апреля 2008.

¹⁰⁴ День Республики. – 2 октября 1992.

¹⁰⁵ Известные люди Карачаево-Черкесии. Краткий биографический словарь / сост. К.С.Б. Урусов, Р.Т. Хатуев. – Черкесск, 1997. – Т. 1. С. 116.

облесполкома КАО в 1928–1929 гг. (умер в лагере 19.02.1943 г.)¹⁰⁶; Б. Шаманов – председатель облесполкома КАО в 1929–1932 гг. (погиб в заключении в 1937 г.)¹⁰⁷; К. Боташев – председатель облесполкома КАО в 1936–1937 гг. (умер в лагере 9.07.1942)¹⁰⁸.

Х. Айбазов, председатель облесполкома КАО в 1932–1936 гг., также был смещен по многим надуманным обвинениям, но избежал репрессий, хотя и пережил их ненадолго (погиб на фронте в 1941 г.).

Аналогичные процессы происходили и в среде представителей судебной власти автономии. Репрессиям подверглись и были расстреляны бывшие председатели облсуда Локман Чотчаев, Зулкарнай Хаджичиков, Рамазан Текеев и др. Так, один из них, Исмаил Байкулов был исключен из партии в мае 1936 г. «за обман партии, за способствование заклтым врагам партии», и его привлекли к ответственности «как двурушника и буржуазного националиста»¹⁰⁹. В следующем году его расстреляли. Рамазан Текеев, занимавший пост главы облсуда в начале 1930-х гг., был расстрелян по приговору «тройки» в 1937 г.¹¹⁰ В июне 1937 г. был смещен председатель облсуда И. Шоштаев, объявленный «ближайшим подручным бандита Курджиева»¹¹¹. Его сменила 26-летняя Муксим Салпагарова, которая в своих выступлениях заявляла «о засоренности аппарата суда» (предлагая разобраться с Глоовым), «о фактах засоренности редакций областных газет чуждыми и вражескими элементами» (называя писательницу Аминат Урусову «дочерью белогвардейца» и «отъявленной националисткой», которую покрывает редактор газеты Тохчуков¹¹²). Правда, такая публичная активность не помогла самой М. Салпагаровой, которая в ноябре того же года была смещена с поста главы судебной власти (занимая ее лишь 3 месяца) с формулировкой «как не справившаяся с работой». По иронии судьбы ее сменил изблщавшийся ею же Глоов¹¹³. Избежали репрессий и другие обвиненные ею лица – А. Урусова и Х. Тохчуков, благополучно дожившие до старости. Сама Салпагарова была объявлена «приспешницей буржуазных националистов»¹¹⁴, но также избежала репрессий со стороны советского режима. Через несколько лет, будучи пар-

¹⁰⁶ Архив КНИИ. Ф. 11. Д. 88. Л. 1; Шаманланы Ибрахим, Хатуланы Рашид, Хачирланы Осман // Джамагъат. – 17 декабря 2002. – № 27(32).

¹⁰⁷ Архив КНИИ. Ф. 11. Д. 84. Л. 4об.

¹⁰⁸ Къочхарланы А. Заманнга дау // Ленинни байрагъы. – 1990. – №19(8090) (на карачаево-балкарском языке); Осадчая Людмила. Время сказало правду о патриоте // Минги тау. – 28 февраля 2005. – № 4.

¹⁰⁹ ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 68. Л. 132–133.

¹¹⁰ Архив КНИИ. Ф. 19. Д. 1. Л. 31–32об.

¹¹¹ Красный Карачай. – 28 сентября 1937. – № 220.

¹¹² Там же.

¹¹³ ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 74. Л. 239–241.

¹¹⁴ Красный Карачай. – 21 декабря 1937. – № 291.

тизанкой отряда «Мститель», была схвачена и расстреляна фашистами в ноябре 1942 г.¹¹⁵

Не менее чувствительный удар был нанесен и по партийной элите КАО. В выступлении на 7-й областной партконференции 28 мая 1937 г. известный классик карачаевской прозы Хасан Аппаев, занимавший тогда пост первого секретаря обкома ВКП/б/, сообщал о различных группировках «врагов народа». Он заявил, что разоблачены примыкавшие к «вредителю» К.-А. Курджиеву «троцкистские бандиты» из числа руководящего звена – Хасанов, Бедраев, Коркмазов и др., а в Усть-Джегутинском и Зеленчукском районах – «троцкисты» Борисенко, Верецкий, Оболенский и др.¹¹⁶

Правда, эти разоблачительные выступления не помогли самому Аппаеву, который был расстрелян в январе 1938 г.¹¹⁷ «Врагами народа» было объявлено большинство тогдашнего состава бюро обкома ВКП/б/ – второй секретарь обкома И. Родзинский, М. Созаруков (заведующий отделом агитации и пропаганды), С.З. Тэрк (заведующий сельскохозяйственным отделом)¹¹⁸, В. Гурьянов¹¹⁹ и др.

Насколько можно судить по имеющимся материалам, из всей партийной верхушки КАО – 9-ти членов бюро (Аппаев, Родзинский, Гурьянов, Созаруков, Тэрк, Волохов, председатель облисполкома Боташев) и кандидатов в члены бюро обкома ВКП/б/ (Кипкеев, Брадис) – избранной в июне 1937 г.¹²⁰, в течение последующего года были репрессированы 7 чел., то есть почти 80%.

«Врагами народа» были объявлены и многие прежние крупные партийные функционеры автономии, включая и бывшего руководителя обкома партии Маурера¹²¹, в свое время также активно проводившего «чистки».

Как и в 1928 г. важную роль в нагнетании обстановки страха и неустанного поиска внутренних врагов сыграли публикации в центральной печати. 20 сентября 1937 г. в газете «Правда» вышла статья «Дела карачаевские». Уже 23 сентября крайком партии сместил второго секретаря Карачаевского обкома партии Родзинского¹²². Через несколько дней, 26 сентября в Микоян-Шахаре (административном центре автономии) было созвано собрание областного партактива, на котором присутствовали секретарь и заведующий отделом печати крайкома партии, где, видимо, и было инициировано собрание. Прямо с собрания были изгна-

¹¹⁵ Салпагаров М. Как вспышка молнии // День Республики. – 22 февраля 2008.

¹¹⁶ Красный Карачай. – 30 мая 1937. – № 119.

¹¹⁷ Известные люди Карачаево-Черкесии. Краткий биографический словарь / сост. К.С.-Б. Урусов, Р.Т. Хатуев. – Черкесск, 1997. – Т. 1. С. 63.

¹¹⁸ Красный Карачай. – 29 сентября 1937. – № 221.

¹¹⁹ ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 81. Л. 185.

¹²⁰ Красный Карачай. – 2 июня 1937. – № 121.

¹²¹ Красный Карачай. – 21 декабря 1937. – № 291.

¹²² Красный Карачай. – 29 сентября 1937. – № 221.

ны «за связь с врагами» два крупных руководителя: председатель Усть-Джегутинского райисполкома Байтоков («во всех преступных делах являлся правой рукой врага») и директор санатория краевого санаторного управления Шемберг, а также Карабашев (газета «Кызыл Карачай»), Биджиев (секретарь Зеленчукского райкома партии), Магулаев (работник облисполкома), которым было «выражено политическое недоверие»¹²³.

Большой кадровый ущерб понесли все звенья хозяйственной структуры. В первую очередь репрессии затронули аграрный сектор. В 1936 г. вопрос «О вражеской подрывной работе в Карачаевском военно-конном заводе» рассматривался на бюро обкома партии. Обвинялось практически все руководство и главные специалисты конзавода: начальник военконзавода Догаев якобы покрывал «вредительскую группу» во главе с «сыном полковника» Газдановым (начальником коневодческой части), в которую входили также главврач, «бывший эсер» Храпов, руководитель отдела начальник земледелия и механизации, также «бывший эсер» Бытдаев, медврач и «бывшая княгиня» Крымшамхалова и др. Бюро поручило начальнику облуправления НКВД З. Волохову «принять немедленные меры к изъятию бандитской шайки»¹²⁴.

Особое внимание уделялось колхозам, где по заявлению нового начальника областного управления НКВД П.И. Дрозда (1937 г.), «вредители уменьшали поголовье колхозного скота, создавали бескормицу, уменьшая кормовую базу, заражали колхозный скот инфекционными болезнями». Это якобы подтвердили «прошедшие недавно в Микоян-Шахаре показательные процессы над контрреволюционными вредительно-диверсионными буржуазно-националистическими группами, действовавшими в колхозах аулов Хурзук и Каменномост». Дрозд также напомнил, что в лесной, золотодобывающей и угольной промышленности КАО «долгое время орудовали враги народа Тищенко, Оболенский, Четчко и другие»¹²⁵.

Следует отметить, что репрессии против управленческого аппарата в промышленности начались уже в 1936 г., когда на бюро обкома был специально рассмотрен вопрос о положении на золотых приисках Уруп и Кизильчук. В 1936 г. дело завершилось разоблачением «вражеской работы» Борисенко «на свертывание золотодобычи в Карачае»¹²⁶.

Огромный ущерб был нанесен той части управленцев, которая была причастна к сфере науки. Первый директор Карачаевского НИИ (1932–1933), первый

¹²³ Красный Карачай. – 28 сентября 1937. – № 220.

¹²⁴ ЦДЮДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 74. Л. 172, 172.

¹²⁵ Дрозд П.И. Будем беспощадно выкорчевывать врагов народа // Красный Карачай. – 21 декабря 1937. – № 291.

¹²⁶ ЦДЮДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 74. Л. 155–156.

карачаевец – выпускник знаменитой «Тимирязевки» Айтек Батчаев по ложному обвинению во «вредительстве» был исключен из партии в июне 1937 г., когда дело об его мнимой «преступной работе» было передано в «следственные органы»¹²⁷. Ему вместе с К-А. Курджиевым и Х. Аппаевым, вменялся в вину и такой «замысел»: в случае войны «буржуазные националисты в подходящий момент отделяют Карачай от Советского Союза и переходят под протекторат одной из капиталистических стран»¹²⁸. А.И. Батчаев был расстрелян в том же году, а фальсификация его дела была признана в судебном порядке (Постановление Ставропольского краевого суда от 13.03.1957 г.¹²⁹).

Ислам Тамбиев, возглавлявший НИИ и облоно с 1935 г., начал преследоваться чуть раньше. Летом 1936 г. бюро обкома партии предъявило ему обвинение в том, что он скрыл от партии часть биографии (то, что «он выходец из кулацко-помещичьей семьи» и в 1920-е гг. служил муэдзином), что в дни восстания 1930 г. в Карачае якобы сдал в руки повстанцев «Карт-Джуртскую парторганизацию в полном составе» и т.п. В числе обвинений было также то, что по вине Тамбиева аппарат облоно и НИИ был «засорен чуждыми элементами»¹³⁰. Тамбиев был смещен со всех должностей, исключен из партии и вскоре арестован. Решением Военной коллегии Верховного суда СССР приговорен к расстрелу (21 июля 1937 г.), а реабилитирован посмертно 30 мая 1957 г., определением Военной коллегии Верховного суда СССР¹³¹.

Третий по счету директор НИИ Маджид Халилов был исключен из партии за то, что «поддерживал тесные политические связи с бандитом Курджиевым до самого его ареста и систематически снабжал бандита Курджиева информацией из области», «сознательно скрыл от Обкома партии контрреволюционные вылазки замаскировавшегося врага Калмыкова» и т.п.¹³² Халилов был также расстрелян в 1937 г.¹³³

Следующий руководитель этого научного учреждения, исполнявший обязанности директора НИИ (и одновременно зав. облоно) Якуб Джабаккуев был обвинен в том, что помогал «врагам народа»¹³⁴, «нанес огромный вред делу народного образования», «провалил ликвидацию неграмотности и малограмотности среди допризывников», «пытался прикрывать троцкистских бандитов» и т.п. Но

¹²⁷ Красный Карачай. – 4 июля 1937. – № 148.

¹²⁸ Красный Карачай. – 10 октября 1937. – № 230.

¹²⁹ Архив КНИИ. Ф. 19. Д. 1. Л. 31–32об.

¹³⁰ ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 69. Л. 34–35.

¹³¹ Тамбиев Ислам. О Карачае и Балкарии: Сб. очерков, статей, заметок. – Ставрополь, 2003.

С. 307.

¹³² ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 74. Л. 22–23.

¹³³ Архив КНИИ. Ф. 19. Д. 1. Л. 31–32об.

¹³⁴ Красный Карачай. – 21 июня 1937.

ему более-менее «повезло»: 8 декабря 1937 году постановлением «тройки» УНКВД по Орджоникидзевскому краю осужден «лишь» к 10 годам тюремного заключения по обвинениям в «буржуазном национализме», участии «в контрреволюционной организации правых»¹³⁵.

Научный сотрудник Хамид Лайпанов, ставший впоследствии директором НИИ (1940–1943), также был «лишь» арестован (с обвинением «за хранение контрреволюционной литературы» и «недонесение на врага народа») и пробыл за решеткой около 9-ти месяцев¹³⁶.

Преследованиям подвергся ученый-филолог Хаджи-Ахмат Байрамкулов, но дело ограничилось арестом¹³⁷.

Но другой научный сотрудник, Иммолат Хубиев¹³⁸ был по сфальсифицированным обвинениям исключен из партии, арестован и расстрелян¹³⁹. Видимо, свою роль сыграло то, что он являлся тестем экс-главы Карачая Умара Алиева.

Жертвами репрессий стало немало организаторов народного образования. В их числе лица, занимавшие в разные годы пост заведующего Карачаевским облоно – Исмаил Каракетов (1926–1928), Зулкарнай Бегеулов (1928–1930), Мусса Кушетеров (1933–1934), Локман Койчув (1934–1935), уже упоминавшиеся И. Тамбиев (1935–1936) и Я. Джабаккуев (1936–1937), а также Исмаил Каракетов, директор педрабфака, Локман Абазалиев, руководивший педучилищем и др. Утверждалось, что поступали «сигналы печати... о вредительской работе этих врагов»¹⁴⁰ и т.п.

Эти «буржуазные националисты», по заявлению заместителя начальника областного управления НКВД В. Удова, якобы стремились в сфере просвещения «вытравить из наших школ русский язык, культивировать, воспитывать у подрастающего поколения национальную неприязнь, готовить в советских школах идейных врагов советской власти»¹⁴¹.

Большой урон понесли управленцы в сфере печати. В 1937–1938 гг. репрессии унесли жизнь журналистов, в разные годы возглавлявших областную газету «Къызыл Къарачай» («Таулу Джашау»), в том числе Ислама Хубиева (Карачайлы), Р.Д.-М. Текеева, Максуда Халилова, Магомета Кипкеева. К числу «врагов наро-

¹³⁵ Архив КНИИ. Ф. 19. Д. 1. Л. 31–32об.

¹³⁶ ЦДОДП КЧР. Ф. 1. Оп.1. Д. 831. Л. 5об., 6.

¹³⁷ Байрамуков И., Богашев К. Он был талантливым ученым // Къарачай. – 30 января 1993; Известные люди Карачаево-Черкесии. Краткий биографический словарь / сост. К.С.-Б. Урусов, Р.Т. Хатуев. – Черкесск, 1997. – Т. 1. С. 86.

¹³⁸ О том, что И. Хубиев являлся научным сотрудником КНИИ см.: Петровский П. Славный путь // Ленинское знамя. – 1967. – № 233.

¹³⁹ Архив КНИИ. Ф. 19. Д. 1. Л. 31–32об.

¹⁴⁰ Красный Карачай. – 22 ноября 1937.

¹⁴¹ Удов В.П. Боевое двадцатилетие // Красный Карачай. – 21 декабря 1937. – № 291.

да» был отнесен и расстрелян организатор, директор облнациздата Али-Солтан Гербеков¹⁴².

Все эти расправы основательно деморализовали региональные власти, нередко вставал вопрос о благонадежности практически любого мало-мальски крупного чиновника. Это состояние бюрократии после опустошения кадрового потенциала было настолько ошутимым, что стало предметом специального рассмотрения в партийных инстанциях. 4 сентября 1937 г. было принято постановление бюро крайкома ВКП/б/ «о выдвижении и воспитании новых кадров» в КАО. В том же месяце этот вопрос был рассмотрен и на пленуме крайкома. Однако и в конце ноября оно оставалось выполненным «совершенно неудовлетворительно», в связи с чем 27 ноября 1937 г. бюро обкома партии рассмотрело вопрос «Мероприятия по подготовке новых партийных кадров». Было указано, что «после разоблачения врагов народа, стоявших у руководства Обкома ВКП/б/, Облисполкома, Райкомов ВКП/б/, РИКов (райисполкомов – З.А.) и др. организаций», в октябре на руководящую работу областного и районного уровней было выдвинуто 62 человека, из них: на партийную – 15, остальные – на советскую и хозяйственную. Однако и этого было недостаточно, поскольку оставались вакантными («не укомплектованными») еще около 35 должностей¹⁴³.

В мае 1990 г., сообщая о судьбах той части репрессированных жителей Карачая и Черкесии, которых успели реабилитировать, советник юстиции Г. Сайко (прокуратура КЧАО) отмечал, что из них в 1937 г. было осуждено «тройками» 299 чел., в том числе на расстрел – 218 чел. (73%), а в 1938 году из 155 осужденных расстреляли 144 (93%)¹⁴⁴. Часть жителей автономий была подвергнута репрессиям краевыми внесудебными органами.

О масштабах репрессий впервые было сказано уже после того, как они были объявлены «перегибом» и Ежов был устранен из НКВД. В своем докладе на 8-й областной партконференции (июнь 1938 г.) первый секретарь Карачаевского обкома партии Ибрагим Темиров сообщал, что за полтора года, то есть с начала 1937 г. как «врагов народа» изгнали из школ 97 учителей, причем «без всякого основания». Тогда же было исключено из колхозов 1070 чел., из партии – 250 членов, из комсомола – 350 членов. из партии было исключено несколько сот человек. По словам докладчика, с 1934 г. в Карачае «прошло и осуждено по линии судебных организаций» свыше 1500 дел, по которым привлекалось более 3000 чел. больше. Как признавал партийный лидер, с 1934 г. «сажали честных людей и составляли на них контрреволюционные дела»¹⁴⁵.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Д. 74. Л. 242.

¹⁴⁴ Ленинское знамя. – 5 января 1990.

¹⁴⁵ ЦДОДП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 81. Л. 185–186.

Таким образом, в динамике управленческих поколений в исследуемый нами период можно выделить два основных этапа. Первый относится ко временам нэпа, когда в партийных и особенно советских органах власти в Карачае и Черкесии преобладали «старые кадры», то есть сформировавшиеся как личности еще во времена Российской империи. Мало того, многие из тех, кто занимал в 1920-х гг. ведущие посты в КАО и ЧАО до революции либо занимали заметное социально-общественное положение, либо активно сотрудничали с антисоветскими режимами в годы гражданской войны. По причине отсутствия достаточного количества подготовленных, да и просто элементарно грамотных управленцев партийно-советское руководство некоторое время мирилось с таким положением дел в автономиях. Однако по мере улучшения кадровой ситуации центральные властные структуры инициировали так называемые партийные чистки. Первая крупномасштабная «чистка» в Карачае и Черкесии произошла в 1928 г. (Правда, в это время ограничивались увольнением с занимаемых должностей, обходясь без арестов). В начале 1930-х гг. начался второй этап в эволюции кадровой политики. Пик партийных «чисток» и кадровых репрессий, как и в целом по стране, пришелся на 1937–38 гг. В эти годы управленческий аппарат, сферы науки, образования, культуры, хозяйственные структуры понесли тяжелые, подчас невосполнимые потери. В результате этих процессов произошла радикальная смена управленческих поколений в Карачаевской автономной области.

Streszczenie

W niniejszym artykule zanalizowano przypadek formowania się państwowej biurokracji w jednym z regionów Kaukazu Północnego – Karaczaju. Artykuł obejmuje okres od włączenia tego terytorium do Cesarstwa Rosyjskiego w I poł. XIX w. do końca lat 30. XX w., a więc do apogeum czystek stalinowskich. Autorzy szczegółowo ukazali przyczyny i źródła pojawienia się wśród ludności górskiej przedstawicieli służby państwowej, którzy cieszyli się wysokim prestiżem społecznym. Omówiono początki wprowadzenia administracji rosyjskiej oraz ukształtowania się elity biurokratycznej Karaczajów w okresie istnienia Cesarstwa Rosyjskiego. Prześledzono także przemiany, które zaszły w tej materii w konsekwencji zaprowadzenia władzy radzieckiej na Kaukazie Północnym. Ze szczególną uwagą rozpatrzono przy tym zagadnienie motywów i skutków zmiany pokoleniowej w administracji Karaczaju w latach 20. i 30. XX w.

Słowa kluczowe: Karaczaj, biurokracja, służba państwowa, wykształcenie, władza radziecka, elita

Summary

Features of the national bureaucracy formation in Karachay during the tsarist and soviet period (1830–1930)

In this article the issue of formation of the state bureaucracy in one of the regions of the North Caucasus – Karachay was analyzed. Article covers the period from inclusion Karachay to the Russian Empire in the first half of XIX century to the late 30s of XX century, and so to the zenith of Stalin's purges. The authors have demonstrated in detail the causes and sources of the appearance among the mountain population representatives of the civil service, who enjoyed a high social prestige. The origins of the Russian administration and the formation of the Karachays bureaucratic elite during the period of the Russian Empire were discussed. The changes that have taken place in this matter as a consequence of bring Soviet power in the North Caucasus were traced. The issues of motives and effects of generational change in administration of Karachay in the 20s and 30s of the XX century were considered with special attention.

Keywords: Karachay, bureaucracy, civil service, education, the Soviet power, elite

Notki autorskie

Zinchara Adżijewa – dr, docent Katedry Prawa Karnego i Procesowego Północnokaukaskiej Humanistyczno-Technologicznej Akademii Państwowej w Czerkiesku.

Rustam Biegieułow – dr hab., profesor Karaczajewo-Czerkieskiego Uniwersytetu Państwowego im. U. Alijewa w Karaczajewie, kierownik Katedry Historii Rosji. Specjalizuje się w historii ludów turkijskich na Kaukazie Północnym, zwłaszcza w okresie XVI–XIX w.

Raszyd Chatujew – dr, starszy pracownik naukowy działu etnografii Instytutu Badań Humanistycznych przy rządzie Republiki Karaczajewo-Czerkieskiej. Specjalizuje się w historii Karaczajów i Bałkarów oraz etnografią centralnej części Kaukazu Północnego.